

ОТРАЖЕНИЕ

В МЕТРО

НАТАЛЬЯ
ПИЧУГИНА

Победитель конкурса "Осторожно, двери закрываются!"

16+

Наталья Павловна Пичугина

Отражение в метро

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66510086

SelfPub; 2021

Аннотация

«Отражение в метро» – рассказ-зарисовка, литературный киномонтаж: на метро сквозь историю рядовой судьбы; взгляд на свой город москвички – девочки-девушки-матери-бабушки – в разные моменты своей жизни и судьбы страны. Метро, как зеркальное отражение города, судьба персонажа, как отражение исторических изменений в государстве, и детское отражение в поручне вагона, как обретение ускользающей было опоры, как напоминание о том, что в круговороте изменений лучшее в народе все-таки остается неистребимым.

Рассказ – победитель конкурса "Осторожно, двери закрываются!".

Наталья Пичугина

Отражение в метро

I

– Аккуратно, держись за поручни¹, – слышу я сверху мягкий мамин голос и берусь за ближний ко мне вертикальный блестящий, в котором отражаюсь как смешной карлик из какой-то книжки, где картинка с карликом не было – наверно, я сама его вообразила.

– Садитесь, пожалуйста, – спешит привстать сидящий перед нами мужчина, но мама мягко останавливает его:

– Не беспокойтесь, мы на следующей выходим.

Мама всегда говорит мягко. Но все, что она делает, невозможно изменить. Впрочем, нужды нет, потому что все, что она делает – необходимо.

– На Кировской, – уточняю я свои знания и жду подтверждения от мамы.

– Да, – говорит она, и мужчина улыбается мне.

Мы едем в детский сад. От кольцевой станции Ботаниче-

---

¹ 1 «Комсомольская правда» от 6 февраля 1935 года писала о первых пассажирах метро: «Они осматривают вагон. Они по-хозяйски оглядывают широкие окна с зеркальными стеклами, кресла, покрытые шевро, **никелевые поручни**, стеклянные перегородки, двери с полыми резиновыми прокладками» .

ский сад, мы там живем – в Безбожном переулке, дом 19, корпус 2, квартира 19. Папа повторяет это со мной каждый день.

– Запомни, – говорит папа.– Это очень важно на случай, если потеряешься на улице. Скажешь милиционеру.

Если в детский сад меня возит папа, то на Кировской на выходе из метро он непременно спрашивает:

– Этот памятник кому?

Поэтому, как только мы выходим на Кировской, я спешу ответить прежде, чем он задаст свой вопрос:

–Грибоедову! Александру Сергеевичу!

– Что он написал? – уточняет папа.

– «Горе от ума»!

– А как называется бульвар, по которому мы идем, и вон тот пруд?

– Чистые пруды!

Черных и белых лебедей мы будем смотреть потом, когда он заберет меня вечером, сейчас на это нет времени, опаздывать в садик нельзя. Вот мы уже входим в арку направо от прудов и по дворам дойдем до ведомственного детского сада ГОСПЛАНа, где работает мой деда – папин папа.

С мамой можно не беспокоиться – при выходе с Кировской она ничего не спросит, про бульвар и Чистые пруды тоже, мысли ее заняты. Забирает она меня редко, в ее редак-

ции поздно заканчивают работу. На пути в садик и из садика мы не то чтобы спешим, но не отвлекаемся, мама экономит время.

Впрочем, она предпочитает ездить на троллейбусе – он идет прямо до Чистых прудов, в отличие от метро, где нужно делать пересадку. Однажды при посадке в троллейбус маме зажало ногу дверями, троллейбус тронулся и протащил ее метров десять по асфальту, пока я истошно вопила внутри троллейбуса, кричали пассажиры и шофер, наконец, не остановился. Мама с месяц лечилась дома с черной отекшей ногой, был суд, я с год категорически отказывалась заходить в троллейбус.

Папе не надоедает смотреть со мной на белых и черных лебедей на Чистых прудах. Наша прогулка всегда увлекательна, мы обращаем внимание на многое вокруг нас. Иногда вместо метро мы идем домой пешком.

– Что это за улица?– спрашивает папа.

– Сретенка! – отвечаю я. И папа рассказывает, почему ее так назвали и про церкви в начале и конце улицы.

– Колхозная площадь! – сообщаю я раньше, чем папа спросит. И мы переходим площадь по нескольким переходам на правую сторону проспекта Мира, где на фонарном столбе натянута вертикальный транспарант с колосом, у которого верхние три зерна заканчиваются прямыми палочка-

ми. Здесь папа наверняка скажет:

– Устала?

– Нет, – отвечу я.

– Ну, все равно, давай подыдем на троллейбусе.

Однажды рассматривать лебедей папа пригласил меня в маленький плавучий ресторанчик на берегу Чистых прудов. Нас провели за свободный столик у перилец над водой.

– Смотри, под нами вода, – сказал папа, – не бойся, пол крепкий.

Под досками пола на черной воде плавали желтые листья.

За соседними столиками сидели немногочисленные посетители. Папа не успел сделать заказ, как по ресторанчику грузно, сотрясая деревянный пол, прошагал мужчина в темном плаще и шляпе, как у деды, прошел мимо нас, взялся за деревянные перильца, перемахнул их и плашмя бросился в воду. Мужчина покачивался на воде ничком, раскинув руки. Шляпа слетела с него и плавала рядом с его грузным телом. Он не тонул.

Посетители закричали. В ресторанчике возникло движение, вызвали милицию, попытались вытащить мужчину из воды, но он отмахивался и не давался, работник ресторана длинным багром выудил шляпу гражданина.

– Пьяный, – сказал папа. – Не бойся, он не утонет.

На выходе из метро Ботанический сад стояли две уличные тележки, где продавали воздушные шары и мороженное.

– Купим мороженное?– спрашивал папа.

– И шарик,– добавляла я. – Можно?

От метро до дома мы шли с красным воздушным шариком, доедая на подходе к дому мороженное.

Там же на выходе из метро Ботанический сад был встроенный в стену метро маленький магазинчик «Соки-воды». Иногда вместо мороженого и шариков мы заходили туда выпить сока – папа брал себе томатный, а мне – фруктовый на выбор. Алюминиевой чайной ложечкой он доставал соль из граненого стакана и размешивал в своем томатном соке.

– На, попробуй.

Мне не нравилось.

– Ну, пей свой яблочный.

– стакан красного вина,– однажды попросил папа. В «Соках-водах» продавали и вино на разлив.

– Папа, тебе нельзя,– насторожилась я.

– От одного стакана ничего не будет,– успокоил папа.

– Ничего не будет?– я должна была убедиться.

– Нет, не бойся, Капелька.

Домой папа пришел в том состоянии, которое ни у кого дома не вызывало сомнений, но первой его встретила мама,

и стало ясно, что «не будет» не получилось.

– Мамочка, папа сказал, что от одного стакана ничего не будет!

– И еще обманываешь ребенка! – мамин голос вмещал отчаяние и безысходность, боль и страдание, воспитанность и решимость, и еще многое из того, что уже было в нашей семейной жизни, и что я уже знала, и что еще будет, чего я еще не знала.

II

– Аккуратно, держись за поручни, – говорю я сыну.

Мы едем с его пятидневки домой – со станции метро Аэропорт на Сокол, в битком набитом метро в час пик. Из ведомственного детского садика Союза Писателей, куда устроил его, на правах члена Союза, мой отчим, воспитавший меня с пяти лет как родную, и обожающий без памяти моего сына.

Иногда, чтобы дать сойти часу пик, мы идем в пельменную на другой стороне Ленинградского проспекта. Мой сын любит пельмени, я тоже, еще с тех пор, как с папой-отчимом мы ходили обедать в кафе «Молочное» на улице Горького во время маминых командировок. Мы жили тогда в Дегтярном переулке под гостиницей «Минск», у метро «Маяковская», в коммунальной квартире на шесть интеллигентных семей.

Сидя в пельменной стекляшке у окна, сын смотрит на про-

езжающие машины и говорит:

– Вот эту машину хочу... Вот эту машину хочу... Вот эту машину хочу...

– Аа, – отвечаю я.– Аа... Аа...

Переезд на Сокол организовала мама. Из Тушино, где в свое время от редакции она получила отдельную квартиру и где метро планировали с момента нашего новоселья, но построили через долгих семь лет – уже после нашего переезда на Сокол в коммунальную с одной соседкой. Дорога в мамину редакцию сократилась вдвое, и это стоило отдельной квартиры в новостройках без метро. Кроме того, в ту пору я поступила в МГУ... мама воистину спасла мой быт.

Наш «сталинский» дом стоял вплотную к станции Сокол на стороне Всехсвятской церкви.

Утром, полусонная, в любую погоду, я вливалась в двери метро с потоком пассажиров, и они несли меня на платформу, утрамбовывали внутрь поезда, выносили из поезда, по бесконечному переходу с Площади Свердлова я двигалась в потоке мелкими шажками, зажатая со всех сторон, медленно, но верно, в нужную сторону... потом глоток свободного пространства на выходе из перехода перед посадкой на Проспекте Маркса, и снова тебя несет толпа, но красная ветка

чуть свободнее, после Парка Культуры в вагоне становится относительно просторно, тем не менее на станции Университет тебя снова подхватывает на выход мощная, бегущая толпа.

Выбравшись, наконец, из потока пассажиров на холодную улицу, я просыпалась и остаток пути до стекляшки гуманитарных факультетов совершала сознательно, торопливо, на исходе сил, – приземляясь в аудитории в полном изнеможении от дороги.

Если путь в университет проходит в полусне утреннего часа пик и по воле толпы, то путь из университета домой, после трех, вполне позволяет самой распорядиться собственной волей. Я давно проснулась, освободилась от занятий, и мое любопытство теперь в состоянии наблюдать окружающую жизнь и участвовать в ней.

Это время прогулок. Например, я могу выйти на Кропоткинской и зайти в Пушкинский музей – в свой любимый зал импрессионистов. Они меня гармонизируют. Во всяком случае, до завтрашних занятий – точно.

Но нет, сегодня лучше не рисковать с вечерним часом пик, на сегодня меня уже достаточно помяли, и у меня есть дела дома.

Я спускаюсь по лестнице перехода на Площадь Свердлова, когда замечаю напротив лестницы сидящего на лавке мо-

лодого индуса в клетчатом шарфе, который смотрит на меня. Определенно на меня. Он поднимается мне навстречу, и я отдаю должное его глазомеру – он чуть-чуть, но выше. Так что мой рост, категории Элочки-людоедки, ему льстит.

Я не авантюрист. Я просто расположена помочь. Кроме того, мне еще не известны нравы третьего мира.

Малорослый индус оказался студентом Патриса Лумумбы и желал иметь близкую подругу. Когда это прояснилось, мы уже прогуляли пол-Москвы.

Мне не жалко потерянного времени, и расстаюсь я дружелюбно.

Я выхожу из метро на Соколе и направляюсь домой, когда неожиданно меня останавливает мужской крик:

– Подождите, девушка, простите!

Молодой парень бежит за мной из метро, расталкивая людей.

Выражение лица у него умоляющее, удивленное и такое, будто он меня знает очень давно. Но я его вижу впервые. Определенно впервые.

– Девушка, можно с вами познакомиться! Пожалуйста!

Он тщательно выбрит, но щеки и шея отливают черноватой синевой на очень белой коже. Черные волосы. Плотный. Ярко выраженная восточная кровь. Очень воспитанный. Но что-то его выбило из колеи, и он умолял меня с ним позна-

КОМИТЬСЯ.

Это был тип человека, который ни при каких обстоятельствах не мог мне понравиться. Я даже не совсем остановилась и машинально ответила, отрицательно покачивая головой:

– Простите...

– Подождите!

– Нет, простите...

Я уже уходила, а он не решался уйти, то шел к метро, то возвращался, то топтался на месте, глядя мне вслед, и на лице его боролись удивление, решительность и растерянность.

Я помню его до сих пор. Наверняка он имел очень веские основания бежать за мной вслед. Но я была еще очень невежественна.

Этот маршрут в метро надолго стал моей повседневностью. После занятий я возвращалась домой до часа пик, но сесть мне так и не приходилось – в относительно просторных вагонах все места были заняты, и многие стояли.

Именно на этом пути домой после трех, ближе к четверем вечера, лица пассажиров, мужские и женские, всегда усталые, даже измученные, представляли собой фантазмагорическую серию портретов Гойи и Босха. Это было поколение сорока-пятидесятилетних в самом начале 70-х прошлого века. Я рисовала их уже дома, это было мое задание на раз-

витие памяти – я занималась у художника в мастерских на Масловке.

«Не мое ли самочувствие заставляет видеть меня эту фантазмагорию», – задавалась я вопросом и проверяла свое видение пассажиров в метро день за днем, месяц за месяцем, год за годом, эпоху за эпохой, уезжая на несколько лет за границу и возвращаясь, снова уезжая и снова возвращаясь, вплоть до сегодняшнего дня.

В то время на платформах работали женщины-дежурные в темно-синей форме – юбке, кителе и красной шапочке. В руках дежурная держала за ручку сигнальный диск, белый с одной стороны и красный с другой. Она стояла возле кабины дежурной на платформе у головного вагона поезда, следила за посадкой и отправляла поезда, поднимая руку с диском. Помню, как на моих глазах к краю пустынной платформы, близко к первому вагону, размашисто подошел мужчина и, неожиданно присев, тяжело спрыгнул вниз и лег плашмя на рельсы, раскинув руки. В памяти всплыл пьяный гражданин на Чистых прудах моего детства – ничком, точно так же раскинув руки, на черной воде среди желтых листьев.

Женщина среагировала сразу, из дежурной кабины выбежал мужчина в форме, затем второй. Вдвоем они спрыгнули на рельсы и вытащили гражданина, который подгибал ноги и отказывался идти. Женщина тем временем, видимо, сообщила с приближающимся поездом, который подошел уже после того, как рельсы снова были свободны. Все это про-

изошло молниеносно.

Примерно в те же годы моя тетя, работавшая кассиром-инкассатором в БТИ, в один из самых болезненных моментов своей судьбы, в день, когда ее не сопровождал помощник, по пути в бюро забылась в своих переживаниях и оставила в метро сумку с зарплатой сотрудников. Опомнилась, когда двери поезда уже захлопнулись. От ужаса перестав соображать, она приехала на работу в слезах и, под увещевания подружек по отделу, напуганных ее рыданиями, все рассказала.

Подружки-сотрудницы, не сообщая ничего раньше времени руководству, командировали одну из них на поиски; та взяла мою опухшую от слез тетю за руку, и повезла ее на Комсомольскую кольцевую, где находился самый большой стол находок пропавших в метро вещей. Там их встретила малоприветливая дежурная, которая, выслушав объяснение, угрюмо, но добросовестно, достала из ящика сумку:

– Эта, что ли?

Можно себе представить воскрешение к жизни моей тети и счастье обеих подруг, когда они удостоверились, что зарплата сотрудников лежала в сумке целиком нетронутой.

В тот памятный день тетя выплакала не только страх за потерю чужих денег, но и душевную драму, виновницу произошедшего.

Да, лица в метро менялись вместе с эпохами и поколениями. Те лица моих студенческих лет, на моем пути из Уни-

верситета домой, с годами исчезли. Сегодня в метро лица новых поколений – здоровее, светлее, миловиднее.

III

Мы живем на Можайском шоссе возле магазина «Молодежный», в ведомственном доме от Министерства Внутренних Дел, в котором Союзу Писателей выделили несколько квартир для своих очередников, и папа наконец получил трехкомнатную квартиру. К тому времени мой сын уже ходил в школу.

Метро возле нас долго не было, но по правительственной трассе многочисленный наземный транспорт быстро довозил вас до Киевской. А Киевская – это уже Арбат через мост, самый центр.

Именно от Киевской в августе 91-го мама пешком дошла до Белого дома и провела внутри, на правах специального корреспондента, два дня из тех судьбоносных для страны дней.

А папа, придя в свой издательский кабинет в Доме Ростовых, нашел голые стены – за ночь вынесли весь редакционный архив, до последнего листа.

Появилось метро на Можайке, только когда страна стала выходить из эпохи развала – станция Славянский бульвар. Зимой сквер, в котором стоит низкий купол этой станции, становится удивительно красивым – в снегу яблони и вязь

перилец. Я люблю эту линию: Парк Победы – Киевская. Торговый центр «Европейский». Арбат.

Тем не менее, иной раз быстрее доехать до Киевской, а там уже нырнуть в метро.

Я преподаю на Курской, выхожу из метро в подземный переход со стороны вокзала и направляюсь к Садовому кольцу. Еще светло. Слева от перехода – вентиляционные решетки метро, из которых идет теплый воздух, часть решеток расположены непосредственно на земле. Прямо на них лежат бездомные; я прохожу мимо, насчитываю три, пять человек, десять, двенадцать – целое лежбище бездомных на оттаявшей земле среди грязного снега.

Возвращаюсь после уроков в темноте позднего вечера – бездомные все так же лежат на земле, некоторые переговариваются между собой, кто-то читает с фонариком... атмосфера общежития, если забыть о реальности.

Спускаюсь в метро. Мне до Славянского бульвара – вечером я предпочитаю выходить из метро как можно ближе к дому.

В вагон заезжает коляска с инвалидом Афгана или Чечни, или с жуликом под ветерана. Накал трагедии увечных ветеранов, матерей смертельно больных детей, беременных с протянутой рукой, бездомных и безработных уже не тот, что годы назад, но не иссяк. К ручке коляски привязан целлофа-

новый пакет для подающих. Хорошо, что на следующей станции он выезжает из двери посередине вагона, потому что в следующем пролете вагона на полу спит на боку мохнатый уличный волкодав, занимая весь проход между сиденьями, занятыми пассажирами. Спит безмятежно, как это бывает у животных, безбоязненно, что на него наступят. Час пик уже схлынул, но народу достаточно, и тем не менее все аккуратно переступают спящую собаку, никто ее не будит и не прогоняет.

Эпоха девяностых и нулевых оставила свой след, который в метро проявляется особенно ярко, вплоть до сегодняшнего дня. В переходах метро просят милостыню древние старушки со слезящимися глазами. В торце вагона мёртвым сном спят безликие бомжи в намотанной одежде, обняв мешки... Я соглашаюсь видеть такое за пределами страны, но не у себя дома.

В переходах метро играют музыканты. Скрипка, флейта, контрабас – то, что можно принести с собой; соло, трио, квартет. Играют, как правило, профессионально. Народ у нас образованный, студентов творческих вузов много и отношение к жизни с советских времен изменилось. Меня воспитывали на музыкальной классике разных жанров, и я ценю талантливое исполнение. Но меня отталкивают уличные представления, если только они не организованы, – меня коробит

нужда.

Я услышала его скрипку издали, но звучала она так, что я сошла со своего маршрута и пошла на ее звуки. Идти пришлось довольно далеко по переходу, совсем в другую сторону от моего пути, но звуки, чем ближе, тем больше завораживали – тот, кто играл, завораживал собой, рассказывал так, что не прийти к его музыке было невозможно. Никто не стоял рядом с ним и не слушал, но у меня не было лишних денег, поэтому я остановилась вдали, чтобы не привлекать его внимания. Это был молодой, но взрослый музыкант, и чем дольше я слушала его, тем яснее понимала, что это зрелый мастер, редкий феномен, а в таком случае, что он делает здесь?... Музыка продолжалась, и я села на выступ стены, у которой пряталась – готовая остаться с его музыкой навсегда, потому что, пока она звучала, оставить ее было невозможно.

Я просидела так довольно долго. Пьеса закончилась. Музыкант изменил положение рук, скрипки, тела, посмотрел на меня издали и едва заметно поклонился.

Путь моего сына до работы проходит от метро Славянский бульвар через Парк Победы и дальше.

Утром он уезжает на работу, я – за компьютер. Через полчаса на экране возникают сообщения о взрыве в метро между Славянским бульваром и Парком Победы.

Быстро просчитываю время, пытаюсь установить, где может быть сын.

В это время он звонит сам:

– Мам, я в порядке, меня там не было.

Хорошо, что моим родителям уже не приходится переживать. Им хватило страха за внука-студента в эпоху взрывов в метро. Хотя взрывы происходили в другой стороне от наших ежедневных маршрутов, но взрослый внук и заведомые маршруты – комбинация крайне ненадежная.

В последние годы мама предпочитала ездить на наземном транспорте. Метро утомляло ее, хотя она пользовалась им только днем, избегая часа пик. Мама доезжала на автобусе до Дорогомиловской заставы и пересаживалась на троллейбус, который довозил ее до места назначения. Троллейбус в этот час был малолюден, и за окном светлым днем проплывали московские проспекты. Мама не уставала.

Я попробовала ее маршрут, и он мне понравился. Действительно, ритм и загруженность метро, стремительное движение пассажиров, искусственное освещение, шум поездов – в какой-то момент утомляют.

При выходе с платформы на переход, в нарастающей толпе предстоящего часа пик, в гуле поездов меня сзади кто-то

окликает и с размаху обнимает. Я быстро оборачиваюсь.

– Слушай: я по шубе тебя узнал!

Шуба у меня мамина, из китайской собаки, белая с черными пятнами, покупка лихих 90-х. Но греет, как никакая другая – шубы из собаки считаются самыми теплыми, – а я сильно мерзну и не променяю ее ни на какой пуховик, хотя теперь она уже пожелтела, и это уже не белая собака с черными пятнами, а стильный старый желтый козел с бурыми подпалинами. Пуховик мне настоятельно рекомендует сын, который давно покушается на мою шубу – он выкидывает из дому все, что не соответствует современному интерьеру.

– Невероятно! Встретиться в Москве! – передо мной друг юности, одновременно сосед по району, художник, писатель и мой постоянный собеседник. Причем, наши пути пересеклись далеко от дома.

Действительно, случай исключительный – всем известно, что в Москве встретиться невозможно.

Метро – тот же город, только его подземная часть, со своей архитектурой, здесь тепло и сухо, в отличие от погоды на поверхности, красиво и просторно, обжито и под надзором техперсонала, со своими услугами; и хотя подземная часть города не рассчитана на пребывание, а только лишь на быстрое передвижение, тем не менее существуют моменты, когда мы задерживаемся на станциях и в переходах: мы встречаем-

ся у памятников, в торце, в середине зала, у эскалатора; изучаем репертуар на афишах театральной будки, прежде чем купить билетик; останавливаемся у аптечного киоска; покупаем хот-дог, чтобы съесть его тут же у прилавка.

Москва – это метро. Весь быт москвича связан с метро, хотя никто из нас этого не замечает – как не замечают транспорт. Тем не менее все траектории и пункты назначения москвича называются по станции метро:

Старый цирк – на Цветном бульваре.

Планетарий – на Баррикадной.

Зоопарк – на Краснопресненской.

Три вокзала – Казанский, Ленинградский и Ярославский – на Комсомольской.

И так до бесконечности...а теперь и вплоть до Новой Москвы.

IV

– Аккуратно, держись за поручни, – говорю я Нюре.

– Qué? Ah! Sí. (Что? А! Да.)

Нюра не говорит по-русски, но понимает – по обстоятельствам. Родители впервые отпустили ее со мной в Москву. Я еду по делам и беру Нюру с собой, на метро мы ездим днем.

Нюра – малолетняя разбойница, у нее рассеянное внимание, при котором, однако, она замечает все, но происходящее местами пропускает, так как видит его в промежутках

между игрой в машинки – их у нее целая коллекция, и часть ее она носит с собой в карманах.

– *Babu, qué hermoso!* (Бабу, как красиво!) – говорит Нюра на всех станциях, озираясь вокруг.

«Бабу» – сокращенно от «бабуля», несмотря на свой нежный возраст, у Нюры саркастический темперамент.

Я с ней согласна, все станции – изумительной красоты (теперь, после знакомства с метро других стран, я способна оценить уникальность привычного нам московского метро), и я испытываю заслуженную гордость за свою страну, но перед выходом из дому тщательно планирую маршрут, чтобы все же не попасть с ребенком в час пик.

Нюра из латиноамериканской столицы, где есть метро, но размах московского метро и просторы самой Москвы потрясают Нюру настолько, что временами боюсь, как бы у нее не открутилась голова.

Летом в метро всегда больше гостей столицы. Но в этот раз случай особенный – идет чемпионат мира по футболу. В вагон входит группа латиноамериканцев. Они ошиблись и пытаются разобраться, в какую сторону ехать. Я объясняю им по-испански, они радуются неожиданной помощи на родном языке. Нюра в восхищении от моей осведомленности:

– *Babu, tú sabes todo!* (Бабу, ты знаешь все!)

Мне смешно:

– Миленькая, я же отсюда. И папа твой, ты забыла?

Вот большая группа японцев. Они фотографируют архи-

тектуру станции. Москве к туристам не привыкать. А в метро их водят непременно. Японцы путешествуют большими группами и фотографируют восторженно. В Мадриде они выглядели также и вели себя одинаково.

– Пикассо? – весело спрашивали они меня в самолете, указывая на мою папку художника.

Мы садимся с Нюрой на лавочку в центре зала на Киевской кольцевой и ждем нарочного – сын мне кое-что передал. Мы всегда пользовались оказией с друзьями и знакомыми, чтобы не тратиться на дорогие пересылки, чтобы было быстрее и надежнее, и всегда делали это по доброте душевной – бесплатно, разумеется. Так было принято, никто бы и не взял денег, еще бы и обиделся, предложи ему.

В этот раз девушка, которая взялась привезти передачу, сразу назвала цену. При этом цена превышала стоимость передачи. Не дрогнув, я дружелюбно согласилась. Сказалась привычка к работе с чужими культурами.

Мы переписывались, пока она совершала переезд и назначала встречу, и переписка с ее стороны всегда носила ровный характер. Поэтому, когда я вижу, как она подходит к нашей лавочке – привлекательная, модная – я улыбаюсь ей, собираясь не только поблагодарить, но и поинтересоваться ее перелетом. Но девушка без улыбки удостоверяется, я ли это, передает мне конверт, кивает и уходит.

«Интересное явление»,— думаю я, провожая ее взглядом.—«Надо полагать, постреформенное».

— Бабу,— наконец слышу я Нюру и улавливаю ее озабоченный сарказм, — *Es entrega ¿he?* (Это что, доставка?)

Мы с Нюрой живем в Новой Москве, но на той ветке, где нет метро — у нас электричка до Киевской. Я люблю Подмосковье, это часть моего города — наша дача, дачи родственников и друзей, летняя дача моего детского сада, школьные походы по местам боевой славы и студенческие путешествия по историческим и архитектурным достопримечательностям.

Мне нравится, что на Киевской сразу попадаешь в центр. Это благодаря размаху торгово-развлекательного комплекса «Европейский». Когда его строили — с задержкой на несколько лет — он был большой помехой в нашем маршруте. Но теперь, в своем мерцании огней, рекламы, музыки, толпы курящих и встречающихся снаружи людей, он одним своим видом поднимает тебе настроение, а ведь можно еще зайти внутрь, как минимум в супермаркет «Перекресток», или выполнить массу дел в других магазинчиках с приятностью для себя.

Нюра привычна к роскоши торговых центров, но «Европейский» впечатляет и ее:

— *Babu, qué bola más grandiosa!* (Бабу, ну и грандиозный шар!) — на последних слогах ее голос понижается до драма-

тического хрипа.

Выбирая место для жилья в Новой Москве, я исподволь выбрала ближе к привычным маршрутам старого жилья на Можайке, поэтому Киевская – мне родной дом. «Дом книги» на Новом Арбате, учебный театр Щукинского училища – на Старом, Манеж – на Библиотеке Ленина, Союз Писателей – на Большой Никитской, нужное посольство – на Мосфильмовской, Пушкинский музей – на Кропоткинской, Центральный Дом Художника – на Октябрьской; все эти привычные и нужные мне маршруты с переездом остались в прежней доступности.

Мое поколение выросло среди названий метро и улиц советского периода, поэтому я безбожно путаюсь в центре Москвы среди возвращенных исторических названий: Полянка, Солянка, Ордынка, Якиманка, – хотя сами названия знаю с молодых ногтей по классической русской литературе. Что говорить о названиях новых станций метро, строящегося с космической скоростью и к моему полному восторгу – я их просто игнорирую, полагаясь на схему метрополитена и поиск в интернете.

Москва уже не город, а мегаполис. Это закономерно, но грустно. В мегаполисе нет того городского единства, когда можно пойти вечером в театр и вернуться домой хоть и поздно, но сегодня. Город и пригород для меня более органич-

ны потому что обозримы... Мне нравится тот пригород, который развивается не как часть Москвы, а как город-спутник и связан транспортом с Москвой. Как, например, Красногорск. В его современной городской централизованной структуре сохранилась прелесть заросшего зеленью Подмосковья: тишина малолюдной улочки, палисадник с вишневыми деревьями, дом, выстроенный пленными немцами, в окне... – и я теряю ощущение времени... – герань за тюлевой занавеской.

Когда наши родственники забирают Ньюру в гости, я еду по делам, не беспокоясь о часе пик.

Толпа в метро бывает разной.

При приближении часа пик скорость движения пешеходов в метро нарастает. На полной скорости толпа спускается – и я с ней – по широкой лестнице перехода, и в какой-то момент я оступаюсь и начинаю падать...

... Но совершенно неожиданно меня подхватывает чья-то крепкая мужская рука, на ходу ставит меня на ноги, а ее владелец теряется впереди в толпе.

Я спасена, а спасителя и след простыл, я даже не успела его увидеть.

Его удивительная помощь на полном ходу, совершенная автоматически, возвращает меня к основам общежития моего народа, заложенным в детстве:

– Придерживай ветки, чтобы не хлестнули по лицу идущего сзади.

– Не съедай все, оставляй хоть небольшой кусочек для других.

– Нашел кошелек с деньгами – отнеси в стол находок.

И я снова чувствую толпу – своим народом: чувство, забытое мной в современном обществе за последние тридцать лет.

– Аккуратно, держись за поручни, – уже в вагоне слышу я рядом мягкий женский голос, обращенный к ребенку...

... И вижу, как берусь за ближний ко мне вертикальный блестящий, в котором отражаюсь, как смешной карлик.